

свою статью юбилейного сборника отражению в этих летописях Куликовской битвы (790-летие ее отмечалось годом ранее, а издание посвященных ей источников было отрецензировано в «Известиях Академии наук» именно В. В. Мавродиным — в том же году, когда упомянутая моя книга все же увидела свет).

Изредка мне доводилось видеть профессора Мавродина в обстановке неофициальной. Однажды в 1970-х годах я был на его даче в Зеленогорске, куда он пригласил меня, чтобы дать письменную рекомендацию моей статье, которую в то время сложно было опубликовать. Много позже я оказался его соседом за столом на свадьбе оканчивавшего Истфак студента (который только что получил от меня редакторское добро на публикацию первой своей работы в фольклористическом научном сборнике). Разница в возрасте между деканом Мавродиным и мной тогда уже не очень ощущалась.

Остроумный собеседник, постоянно пересыпавший разговор шутками и всегда очень удачным цитированием на память русской классической литературы и даже классического древнерусского фольклора, Владимир Васильевич был в общении незабываемо прост и доброжелателен.

Январь 2008 г.

Н. А. Мининков
Ростов-на-Дону

Владимир Васильевич Мавродин **(краткие воспоминания)**

О Владимире Васильевиче Мавродине я слышал еще с первого курса учебы на историческом факультете Ростовского госуниверситета. Во-первых, о нем нам рассказывала Ангелина Григорьевна Задёра, которая читала нам историю СССР периода до конца XVIII в., при изучении разных тем курса — от происхождения государства на Руси до восстания Е. Пугачева. С этими, как и со многими другими темами, были связаны труды ленинградского историка. Во-вторых, более углубленно с его трудами мне довелось познакомиться самому в связи с изучением истории донского казачества за период с XVI до начала XVIII вв., которая оказалась в центре моего внимания. Уже студентом я обратил внимание на широту научных интересов ученого, глубокое знание им историографии и источников, на аргументированность положений и выводов, и в то же время на оригинальность и смелость отдельных построений, относившихся, в частности, к проблеме происхождения казачества и дискуссии по вопросу о существовании исторических предшественников казачества вроде бродников.

Весной 1978 г. у меня состоялось личное знакомство с выдающимся историком. В то время я выезжал в Ленинград на обсуждение своей кандидатской диссертации. Она была посвящена политике московского правительства на Дону за период с XVI в. до 1671 г., когда было подавлено Разинское восстание. Обсуждение проходило на кафедре истории СССР периода феодализма, которой заведовал Владимир Васильевич. Основным докладчиком по моему вопросу выступал

в то время молодой еще доцент Александр Якимович Дегтярев. Однако и Владимир Васильевич, несмотря на всю свою загруженность, очень основательно, как я понял, познакомился с моим текстом и дал ценные советы. Уже в то время самое благоприятное впечатление на меня произвела дружеская, демократичная обстановка на кафедре, включавшей в свой состав таких видных, помимо самого заведующего, историков, как Александр Львович Шапиро и Руслан Григорьевич Скрынников. Тогда мне стало понятно, что руководителем такого коллектива мог быть не только крупный ученый, но и масштабная личность.

Второй раз мне довелось увидеть Владимира Васильевича в ноябре того же года, когда в Совете при историческом факультете ЛГУ я защищал кандидатскую диссертацию. Он был тогда председателем специализированного совета. Запомнилось его выступление в ходе обсуждения моей работы. Он очень доброжелательно отнесся к ней. В то же время, подводя итог предыдущим выступлениям, он указал на те положения, которые нуждались в дальнейшей доработке. За глубокое личное участие, проявленное Владимиром Васильевичем в период обсуждения и в период моей защиты кандидатской диссертации, я ему очень благодарен.

Увидеть Владимира Васильевича в дальнейшем мне не пришлось. Однако с некоторыми его трудами мне довелось более углубленно познакомиться. Это, прежде всего, касалось фундаментального трехтомного исследования по истории Пугачевского восстания, выполненного коллективом ленинградских историков в 60-х – 70-х годах. В частности, обращал на себя внимание первый том, написанный целиком Владимиром Васильевичем и относившийся к историографии восстания и к источниковой базе по этой проблеме. Вплоть до наших дней он интересен не только своим содержанием, но и тем, что в нем заключается своего рода образец написания историографического обзора крупной проблемы. Его внимательный анализ дает, кроме того, представление по дискуссионной к настоящему времени проблеме объекта историографического исследования и определения круга историографических источников и историографических фактов. Судя по приведенному Владимиром Васильевичем материалу, относящемуся к историографии пугачевского восстания, историографическое исследование может включать в себя весь комплекс материалов, характеризующих состояние не только исторической науки, но и в целом общественно-исторической мысли. В этой связи не случайно им было обращено самое серьезное внимание на такие нетрадиционные историографические источники, как фольклор и произведения художественной литературы, относившиеся к теме Пугачевского восстания и к биографии его предводителя.

Благодарная память о Владимире Васильевиче сохранилась среди историков, и, в частности, о нем и его трудах помнят в нынешнем Южном федеральном университете. На историческом факультете СПбГУ регулярно проводятся Мавродинские чтения. На одном из них, в 1994 г., мне пришлось участвовать. Несомненно, что бурная, переломная эпоха тех сложных, но очень интересных, замечательных и памятных 90-х годов, с их духом свободы и раскрепощения мысли, наложила свой отпечаток на проведение чтений. Поэтому не случайно, что характерной их чертой было незримое, но вполне ощущаемое присутствие при обсуждении вопросов истории острых проблем современности. Вместе с тем дух научного поиска, который всегда был характерен для исторического факультета

ЛГУ при Владимире Васильевиче, в полной мере сохранялся. По крайней мере, участники конференции не только могли выносить на суд коллег свои идеи, но и сопоставлять с теми высокими стандартами научности, которые сложились на историческом факультете ЛГУ в результате, в том числе, научной деятельности Владимира Васильевича.

В настоящее время, на нынешнем витке развития исторической мысли и осмысления историографического наследия прошлых лет, вполне, как представляется, назрела необходимость специального изучения вклада в историческую науку В. В. Мавродина. Тема интересна не только сама по себе, ввиду масштабов личности ученого и значимости его трудов. Она представит несомненный интерес ввиду того, что при ее исследовании историк сможет погрузиться в непростую обстановку, в которой жила отечественная историческая наука в период жизни и деятельности Владимира Васильевича и дать более глубокое и взвешенное представление о ней самой и о том периоде развития отечественной истории и культуры.

[Январь 2008 г.]

В. М. Панях
Санкт-Петербург

В. В. Мавродин — руководитель работы по исследованию пугачевского восстания

В. В. Мавродин в конце 50-х годов XX в. поставил перед собой цель — подготовить обобщающее исследование о восстании под предводительством Емельяна Пугачева. Первым шагом на этом пути стало написание им первого тома, посвященного его своего рода предыстории¹. Книга распалась на две, строго говоря, не связанные между собой части. В первой автор исследовал историографию крестьянской войны, которую он рассматривал расширительно — освещал не только изучение восстания исторической наукой, в том числе зарубежной, но и его отражение в общественно-политической мысли, художественной литературе, устном народном творчестве и искусстве. Во второй части В. В. Мавродин исследовал классовую борьбу перед восстанием Пугачева.

Еще до выхода в свет первого тома исследования В. В. Мавродин, вероятно, понял, что дальнейшая работа затянется на долгие годы, если не десятилетия. Поэтому он принял решение о комплектовании авторского коллектива и обратился с этой целью в дирекцию Института истории АН СССР и к руководству его Ленинградского отделения (ЛОИИ). Ответ был положительным. Институт предложил включить в коллектив А. И. Андрущенко, М. Д. Курмачеву и Р. В. Овчинникова, занимавшихся этой проблематикой, а ЛОИИ — Ю. А. Лимонова, Л. С. Прокофьеву и меня, никогда прежде не соприкасавшихся с историей России второй половины XVIII в. Незадолго до этого я закончил аспирантуру в

---

¹ *Мавродин В. В.* Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. [Л.:] Издательство Ленинградского университета, 1961. Т. I.